

Где-то между тем, как сходит солнечный день и начинаются сумерки, всегда есть две минуты «мягкого времени» – когда все вокруг немного обнимается. Кажется, что в эти мгновения злиться на тебя будут меньше, ты сможешь все поменять, тебя все простят и все сложится наилучшим образом. В две мягкие минуты, пока дело идет к закату, день топчется перед выходом и дает немного тепла. «Это тепло можно поймать и немного согреться», – думал Олег Селиверстов, сидя съжившись от холода у себя на кухне. В доме плохо топили.

На плите кряхтел чайник.

– Неинтересный ты, – сказал вслух Олег чайнику. И себе сказал.

Уличный пейзаж рисовал настроение. За окном моросил мелкий дождь со снегом, антенны на крыше соседней пятиэтажки растопырились и кололи воздух. Мерзко покрикивали вороны. Олег так и не смог договориться с этим миром на оттенки. Он ждал этих двух минут – но солнечных дней не было уже давно.

Локоть Олега съехал по скользкой папке с документам – бумагами о разводе. Если бы только было бы солнце и появились бы эти две минуты. Становилось так тоскливо, так тянуще на душе: от себя, от шахты и этого пропитанного углем города.

Когда-то давно Олег был пацаном, который вдыхал эту угольную пыль на улице, громко кашлял

и смеялся. Стучал ногой в дверь соседке Марине и убегал. Марина, худая длинная девочка с первого этажа, обычно не открывала. Один раз Олег принес ей в подарок красивую палку – и ей ужасно понравилось. Она таскала за собой везде эту обрубленную ветку, а Олег пух от гордости. Летом они с Мариной раскрашивали палку красками и шли в ближайший лесок играть. Перед Новым годом надевали на нее мишуру, и выходил посох, всегда более настоящий, чем во всех мультфильмах, что они видели по телевизору. Загадывали желание поехать в соседний большой город за подарками. И просили вещи, которые им и так бы купили родители, – вроде перчаток для занятия хоккеем Олегу или Марине новый поддеватель.

Уже подростками они с Мариной много сидели на лавочках около подъездов. Она выходила из дома при любом удобном случае – ее нервировал громкий телевизор и вообще громкие голоса бабушки и мамы. Марина фыркала. Выдыхала зимний пар. А Олег все – поплыл совсем.

Вечерами дома в кровати он ворочался с боку на бок, все вспоминал это фырканье. И дыхание. И вообще, кроме Марины, никого в своей жизни не видел. Он, Марина – и это все, что есть сейчас вокруг навсегда. – Я бы вообще все что угодно делала, лишь бы уехать отсюда, я бы или писала, или там по математике чего-то делала, – сказала она как-то.

– Мне такая мысль в голову не приходила, – ответил он.

– Неинтересный ты.

Олегу было все равно, чем заниматься: он много читал и много размышлял, но его деятельность никогда особо не волновала.

– Ты это самое. Мало надо. Пресперктивы где? – спросила Марина.

– Перспективы.

– Неважно. Важно, что тут – унылое говно.

Олег всегда отвечал на это молчанием: весь Маринин бунт, громкость от ее семьи в ней он глушил собой, прижимал к земле, заливал дождем. Марине легчало – снова можно было обсуждать одноклассников, лежать вместе на снегу, лежать вместе в постели.

Что делала Марина – ему было ну совсем неинтересно. Она продавала что-то, кажется, и, кажется, много работала. Окончила ли она вообще школу? Ему же самому нравилось просто быть – и вообще ничего не делать.

После школы он начал таксовать: теперь можно было ездить по знакомым улицам часами и рассуждать о жизни. Хотя в целом он был готов пойти в шахту даже «лопатой». Что развело их с Мариной – этот унылый город, который пожалел немного солнца? Унылый он сам?

– Слушай, я это – я очень благодарна тебе и ты мой самый лучший друг. Ты добрый. Предлагаю дружбу нам, короче.

– ?

– И развестись я хочу. Вот. – Марина протягивает какие-то бумажки.

Туман. Туман. В голове туман почище того, что на улице. И что остается с этим сделать? Только промолчать и согласиться.

Олег с ужасом вспоминал эти ее слова, и вспоминал их каждый день. Как будто бы его нога ушла от него, но сказала – давай останемся друзьями. Или ему помахала его рука. Часть тела попрощалась с ним. Осталось только согласиться с этим и умереть.

На подоконник сел ворон: осуждающе глянул и мерзко крикнул.

– О! Ну и что ты смотришь? Поесть тебе?

Олег поднялся и потянулся к хлебнице. Ворон поглядел на палку в мишуре в углу кухни. Каркнул. Улетел.

– Каркнул как плюнул, – сказал Олег.

Уже довольно давно он разговаривал сам с собой. Грустил и ни с кем не общался. Потому что нет смысла говорить с кем-либо, кроме как с ней. Развлекал

себя как мог – бесконечно шнырял по городу, ходил в лесок, притворялся больным и прогуливал работу. Вообще не пил. Придумывал себе друзей. Придумывал себе девушку, придумывал себя другого.

Марина уезжала в город.

Олег вдохнул и набрал Маринин номер.

– Я тебе тут хотел сказать... что я к тебе, конечно, как к другу не отношусь.

– Это понятно, – сказала Марина.

Олег осознал, что все не то, надо сказать что-то важное, сильное. И про их детство, и про то, что он чувствовал в этом городе, и про то, что он там заботливый и все такое. Вообще про то, что такое дом! Что-то главное сказать.

– Знаешь, есть вот такие две минуты времени удивительные – между тем как день заканчивается и начинаются сумерки. Мы с тобой как-то сидели на лавочке уже ближе к вечеру, и появился такой мягкий-мягкий свет. Я тогда предложил тебе выйти замуж, и ты согласилась. Тогда невозможно было сказать «нет», я считаю. Вот эти две минуты. Ну погоди, ты помнишь вот этот момент? Нет. Ты чувствовала вот этот момент?

Марина молчала. Вздыхала, фыркала и молчала в трубку.

Олег попрощался, достал заявление о разводе, все заполнил. Подписал. Бесперспективно.

